

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО, ФОЛЬКЛОР

Г. М. ПРОХОРОВ

Древнерусское слово *съвѣсть* и современные русские слова *совесть* и *сознание*

(Заметки историка культуры)*

Русские слова *совесть* и *сознание* тождественны по конструкции и очень близки по составным частям: *со-* и *со-*, *вѣсть* и *знание* (*знаток* — *невежда*, *естествознание* — *искусствоведение*). И это не случайное сходство: в ряде европейских языков — в греческом, латинском, французском, итальянском, испанском — вместо двух русских слов одно. Более того, сравнительно недавно точно так же было и в русском.

Когда же и как произошло у нас «раздвоение» слова? Как соотносятся между собой эти «ветви-двойники» и откуда они «произросли»?

Съвѣсть и совесть

Славяно-древнерусское слово *съвѣсть*, или *совѣсть*, сохранилось в записях начиная с XI в.,¹ но должно было возникнуть по самой меньшей мере на два столетия раньше — в эпоху Константина-Кирилла и Мефодия, если незадолго до того — при Кирилле Каппадокийском в VII в. или блаженном Иерониме в IV в.,² — при первых переводах на славянский язык с греческого церковных текстов. Но в любом случае непосредственно или опосредованно (через то же слово, написанное первой славянской азбукой, глаголическими буквами) оно точно отражает, калькирует греческое слово ἡ συνείδησις.³

* Публикуемая работа является переработанной и дополненной версией статьи, напечатанной при содействии Стефана Кожухарова 30 лет назад по-болгарски Прохоров Г (Ленинград) Староруската дума *съвѣсть* и съвременните руски думи *совесть* и *сознание* // Език и литература 1973 Кн 4 С 45—53

¹ См, например Изборник 1076 г М, 1965 С 1014, Енински Апостол Старобългарски паметник от XI век София, 1965 С 252, Срезневский Материалы Т 3 Стб 679

² См Прохоров Г М Глаголица среди миссионерских азбук // ТОДРЛ СПб, 1992 Т 45 С 178—199

³ ἡ συνείδησις («сюнэйдесис», в новом греческом произношении «синидизис») состоит из приставки *сун-* «со-» и существительного *εἰδησις* — «(по)знание», от глагола *εἶδω* — «видеть, созерцать, познавать» В греческом языке есть еще почти одинаковое с ним по строению и едва ли не тождественное по смыслу слово *το συνεῖδος* (*еἶδος* — вид, образ, идея) А А Реформатский (Введение в языкознание М, 1955 С 117) пишет, что «калька — это перевод по частям иноязычного слова или выражения с последующим механическим сложением переведенного воедино Т о при калькировании заимствуется комбинация элементов, сами же элементы представляют не иноязычный, а свой материал Кальки возникают книжным путем, это обычно дело рук переводчиков» Потому думаю, что до переводов с греческого слово *съвѣсть* в славянском языке не существовало

Показательно, что в ранний период славянской письменности было некоторое колебание в передаче этого греческого слова: в одном списке XI в. сочинений Григория Назианзина *συμείδεις* передано иной, даже, пожалуй, более точной калькой *сѣвѣдѣние* («сѣвѣщание сѣвѣдѣнія к Богу»)⁴. По каким-то причинам в передаче греческого *συμείδεις* возобладавала, однако же, *сѣвѣсть*.⁵

Греческое слово *συμείδεις* известно с IV в. до Р. Х. и встречается во многих церковных книгах, но очень интересно его распределение в древнейшей из них — Библии. В Ветхом Завете в переводе семидесяти толковников, Септуагинте (III в. до Р. Х.), это слово использовано только один раз (Еккл. 10:20) и то не в смысле «совесть», а в смысле «мышление», «мысль». На славянский оно переведено как *совѣсть* («И в сѣвѣсти твоѣ не клени царя»), на латинский — как *cogitatione*, а на русский — как «мысли» («Даже и в мыслях твоих не злословь царя»)⁶.

В Евангелиях слово *συμείδεις* используется тоже лишь один раз, но уже с нравственным значением, т. е. в смысле «совесть», — в Евангелии от Иоанна (8:9) в рассказе о том, как фарисеи привели к Иисусу Христу жену, уличенную в блудодѣянии; после ответа Христа — «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень» (8:7) — они, «будучи обличаемы совестью» (8:9) (*сѣвѣстію обличаемы*), стали уходить один за одним. Но эти слова, и даже этот рассказ, существуют не во всех греческих списках Евангелия от Иоанна.⁷

Далее в Новом Завете слово *совѣсть* встречается: два раза в Деяниях апостолов, в речах апостола Павла (23:1 и 24:16). Первый раз — когда он обращается к синедриону: «Азъ всею сѣвѣстію благою жителствовахъ перед Богомъ» (23:1) и другой раз — к игемону Феликсу: «...азъ подвижаюся непорочнѣ сѣвѣсти имѣти всегда перед Богомъ же и человекѣи» (24:16). Три раза затем — в Первом послании Петра: «Се во естъ угодно пред Богомъ, аще сѣвѣсти ради Божія терпѣтъ кто скверни, стражда без правды» (2:19); «Сѣвѣсти имѣюще благо, да о немже клеветѣтъ васъ аки злодѣевъ, постыдѣются злословящѣи ваше благое во Христе житіе» (3:16); «...не плотскія отложение скверны, но сѣвѣсти благи вопрошеніе у Бога» (3:21). Больше же всего — двадцать шесть раз — использует это слово в своих посланиях «апостол языков» Павел: «...языцы... являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ сѣвѣсти...» (Рим. 2:14—15); «...не агѣ, спослушествующей ми сѣвѣсти моеи...» (Рим. 9:1); «...повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за сѣвѣсть» (Рим. 13:5); «...нѣцыи же сѣвѣстію идольскою даже доселѣ якоже идоложертвенное ядѣтъ, и сѣвѣсти ихъ, немощна сѣци, сквернитъ» (1 Кор. 8:7, аналогично 10 и 12); «...ядите, ничтоже сѣмнящесѣ, за сѣвѣсть» (1 Кор. 10:25, аналогично 26 и 28); «...сѣвѣсть же глаголю не свою, но другаго: вскую во свобода моя сѣдится от инѣхъ сѣвѣсти» (1 Кор. 10:29); «...свидѣтельство сѣвѣсти нашея, яко в простотѣ и чистотѣ Божіей... живомъ в міре» (2 Кор. 1:12); «...явленіемъ

⁴ Срезневский. Материалы. Т. 3. Стб. 675—676.

⁵ Слово *сѣвѣдѣние*, которым стали переводить главным образом греческое *μαρτυρία* — «свидѣтельство», возможно, думает А. А. Алексеев (это интересное соображение он высказал мне в беседе), существовало в дописьменное время как юридический термин и потому оказалось неудобным для передачи такого понятія, как «совесть/сознание».

⁶ Архим. Киприан (Керн) (Антропология Григория Паламы. Париж, 1950. С. 78) замечает: «Еврейское *madah*, переведенное (семьюдесятью толковниками. — Г. П.) в Еккл. X, 20 как „совесть“, не имеет нравственного значения и гораздо точнее передается Вульгатою *cogitatione tua*, а в русском переводе „в мыслях твоих“».

⁷ См.: *Novum Testamentum Graece et Latine. Utrumque textum cum apparatu critico imprimendum curavit Eberhard Nestle, novis curis elaboraverunt Erwin Nestle et Kurt Aland. Editio vicesima secunda. United Bible Societies. London, s. a. P. 255.*

истины представляюще себе ко всякой совѣсти челоувчестей, пред Богомъ» (2 Кор 4 2), « Богови же явлени есмы: уповаем же, яко и в совѣстяхъ вашихъ явлени есмы» (2 Кор 5 11), « любви от чиста сердца, и совѣсти благія, и вѣры нелицемѣрная» (1 Тим 1 5, аналогично 19), « таинство вѣры в чистѣй совѣсти» (1 Тим 3 9), « сожженныхъ своею совѣстію» (1 Тим 4 2), « служу... чистою совѣстію» (2 Тим 1 3), « осквернися ихъ и умъ и совѣсть» (Тит 1 15), « не могущія по совѣсти совершити служащаго» (Евр 9 9), « очиститъ совѣсть нашу от мертвыхъ дѣлъ» (Евр 9 14), « ни едину кому имущимъ совѣсть в грѣсѣхъ» (Евр 10 2), « от совѣсти лукавыя» (Евр 10 22), « уповаемъ во, яко добру совѣсть имамы» (Евр 13 18)

Как можно видеть, в большинстве случаев слову совѣсть славянского текста Нового Завета⁸ адекватно или близко по смыслу современное слово *совесть*. Но иногда греческое *συνείδησις*, переданное в славянском тексте как *совѣсть*, на современный русский язык надо перевести иначе, например «Се во есть угодно пред Богомъ, аще совѣсти ради Божія (διὰ συνείδησιν Θεοῦ) терпитъ кто скорби, стражда вез правды» — «Ибо то угодно Богу, если кто, *помышляя* о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо» (1 Пет 2 19), или « ни едину кому имущимъ совѣсть в грѣсѣхъ » — « не имели бы уже никакого *сознания* грехов» (Евр 10 2)

Как видим, круг значений слова *συνείδησις/совѣсть* шире, чем у современного слова *совесть*, хотя основное значение новозаветного и современного русского слов (приблизительно это значение можно определить как внутренний для человека критерий суждений о добре и зле и, одновременно, нравственный уровень человека) совпадают

В Ветхом же Завете, когда речь идет о нравственности, нравственном критерии в сердце человека, используется слово *сердце* (*leb*, καρδιά), например «Ты знаешь, и знает *сердце* твое все зло, какое ты сделал » (3 Цар 2 44), «Крепко держал я правду мою, и не опушу ее, не укорит меня *сердце* мое » (Иов 27 6) И в Новом Завете можно встретить *сердце* в подобном этому значении «Возлюбленіи, аще *сердце* наше не зазритъ намъ, дерзновеніе имамы къ Богу» (1 Ин 3 21) Апостол Павел, особо часто, как мы видели, прибегавший к понятию *совѣсть*, мыслил ее как нечто имеющее отношение к сердцу « языцы... являютъ дѣла законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти » (т е « дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их » (Рим 2 14—15) Но между библейскими *сердцем* и *совѣстью* очевидна существенная разница. Сердце, прежде всего, — орган тела, но также центр *всей* внутренней, телесной, душевной и духовной, жизни человека, нравственная функция — лишь одна из его внутренних функций. В Ветхом Завете эта функция не имеет особого названия

Появление в Новом Завете слова *συνείδησις* для обозначения способности нравственного суждения имело своим естественным следствием широкое распространение этого слова вместе с Евангелием и разработку понятия *совѣсть* в странах христианской культуры

Популярный в Византии и на Руси автор VI в Авва Дорофей давал в своих Поучениях такое определение *совѣсти* «Бгда сотвори Бог челоувѣка, вѣстья вонь нѣчто божественно, якоже помысл нѣкий теплѣйший и светлѣйший, искры слово имущий, просвещающъ умъ и показующъ ему доброе от злаго. Сие нарицается *совѣсть*, еже есть естественный закон» Совестью наделены все люди «Никтоже убо есть немѣйя тѣ;

⁸ Пользуюсь каноническим церковнославянским текстом, оставляя в стороне никак не способный изменить картину вопрос о разночтениях в тех или иных переводах и списках

вожествено во нѣчто есть, якоже рѣхом, и николиже погибает, но всегда воспоминает нам полезное». Если же мы не слушаем ее, «но пребываем попирающе сию, прочее загреваем ю, и ктому не может ясно глаголати нам от тяготы належащая ей, но якоже свѣтианик, сияя за за-вѣсою, сице начинает показовати нам мрачнѣе, сирѣчь темнѣе, вещи. И тако по преступлении, якоже водѣ возмущеннѣй от многих перьстей, никтоже может поразумѣти лица своего, сице обретаемся, не оущающе ихже глаголет нам совѣсть наша». Евангельские слова Христа «Буди увѣщаваяся с соперником твоим, дондеже еси на пути с ним: да не когда ты предаст судни, а судия слугам, и всадят тя в темницу; аминь глаголю тебе: не изыдеши оттуду, дондеже отдаши послѣдний кодрант» (Мф. 5:25—26) Авва Дорофей толкует так: соперник — совесть, путь — жизнь; при жизни надо успеть примириться со своей совестью, ибо она-то и будет обвинителем на Страшном суде.⁹ Да и после Страшного суда, как пишет Григорий Богослов (Назианзин), удел грешников — «отвержение от Бога и стыд в *совести*, которому не будет конца».¹⁰ В акафисте «Иисусу сладчайшему» находим обращение: «Исусе, радости совѣстная». Византийский богослов XIV в. Григорий Палама пишет, что Творец «вложил в нас врожденный закон, как бы некую не знающую компромисса норму, и непогрешимого судию, и незаблуждающегося наставника — собственную *совесть* в каждом из нас, — дабы, если случится в душе нам смутиться мыслью, не иметь нам нужды в ином наставнике для понимания добра...».¹¹

Как в Византии, так и в Древней Руси понятие «совесть» было более разработано, более дифференцировано, чем сейчас. Авва Дорофей различал три вида совести: «к Богу», «к людям» и «к вещам». «К Богу» — это «елика сѣть вываемая в тайнѣ, яже никтоже вѣсть, токмо Бог»; совесть «к ближнемү» состоит в том, чтобы не оскорблять других делом, словом, видом или взглядом; совесть «к вещем» — не портить вещи и «да не злѣ употревляет кто вещь».¹²

Легко заметить, что эта классификация строится на принципе приложения представлений о Добре к человеку с «наружной» точки зрения, к человеку в трех его «внешних» проявлениях. Наряду с этим подразделением существовало деление, основанное на отношении человека к самому себе, к своим душе и телу. Отсюда совесть *душевная* и совесть *телесная*. У Иоанна Златоуста читаем: «Сам во Господь рече: Аще, не очистив совѣсти душевныя и тѣлесныя, и многү молитвү сотвориши, не послушаю тебе: не плотская во нечистота, но душевная скверна — смерть и пагуба»;¹³ у Андрея Критского (VII в.): «увийца совѣсти душевней»;¹⁴ в Изборнике 1076 г. находим слова: «свѣштяхъ оу чистю свѣстною тѣлесною»;¹⁵ в молитве Святому Духу Максима Грека (XVI в.): «Очисти ми совѣсть душевнү».¹⁶

⁹ Авва Дорофей Поучения Вильно, 1767 С 51—57, «О совѣсти» Греческий оригинал см PG Vol 88 Col 1652

¹⁰ PG Vol 49 Col 85

¹¹ Омилия 3 На притчу Господню о спасенном блудном сыне // Святитель Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский Беседы в трех томах / Пер с греч языка архимандрит Амвросий (Погодин) М., 1994 Т 1 С 33

¹² Авва Дорофей Поучения С 51—57

¹³ Поучение о чистоте душевной // Златоуст М., 1899 Л 15 об

¹⁴ В Великом, или Покаянном, каноне, см Ловягин Е Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках СПб., 1856 Кн 3 С 6

¹⁵ Изборник 1076 г С 477 Л 110, строки 9—11

¹⁶ Фикара Святогорец Вертоград душевный Вильно, 1620 Л 139

Статья Аввы Дорофея «О совѣсти» оказалась со временем одним из главных оснований православного учения о загробном воздаянии, противостоящим римско-католическому учению о чистилище с его временным очистительным огнем. Совесть, продолжающая угрызать человека и после его смерти, — самое страшное наказание грешника «И посему мы не видим никакой необходимости в ином наказании или в очищении огнем, — писал главный защитник православного учения на Ферраро-Флорентийском соборе, Марк Эфесский, — ибо одних очищает страх, а других угрызение совести пожирает мучительнее всякого огня...».¹⁷

Общим для всех подразделений *совѣсти*, т. е. сердцевиной понятия, является отношение «Добро — человек», а поскольку в христианской философии высшее Добро — это Бог,¹⁸ то это — отношение «Бог — человек». Как писал французский философ XVII—XVIII вв. Пьер Бейль, для верующего «совершенно все равно сказать ли: *моя совесть судит, что такой-то поступок хорош или дурен*, или сказать: *моя совесть судит, что такой-то поступок нравится или не нравится Богу*».¹⁹ Идеальное состояние совести, т. е. идеальное отношение «Бог — человек», свойственно, наверное, только Богочеловеку; во всех же остальных случаях наличие совести означает наличие внутреннего конфликта между вечным и настоящим: «*Аще речем, яко грѣха не имамы, сѣвѣ прельщаем, и истинны нѣсть в нас*» (1 Ин. 1:8). Совесть побуждает человека стремиться к богочеловеческому состоянию, к обожению, к Вечности-в-настоящем: «*И всякъ, имѣяй надеждѹ сию нанѣ, очищаетъ себе, якоже Онъ чистъ есть*» (1 Ин. 3:3). Подобное представление о *совѣсти* имеет, несомненно, прямую связь с христианской догматикой, с учением о единстве в личности Иисуса Христа двух природ, Его богочеловечестве. Античное *συνείδησις* не имело ни *такого* нравственного смысла, ни сколько-нибудь широкого распространения (Аристотель, например, в своем сочинении «О душе», достаточно объемистом, ни разу его не использовал).

Итак, круг значений славяно-древнерусского слова *совѣсть* в основном, как уже сказано, — это круг значений новозаветно-византийского *συνείδησις* с его перевесом в сторону нравственности. Вот несколько примеров использования его на Руси: «*Возбраняющая же другга — своа коумѣждо съвѣсть*» (Кирилл Туровский, XII в.),²⁰ «*...и привывшее съвѣсти нашей от ѹныння съгнѹшнненіе отмывше*» (Успенский сборник XII—XIII вв.),²¹ «*...предстоя предъ Тобою, посрамлен своею съвѣстію, не имея дерзновения за премногѹю тяжесть злоютныхъ дѣл моихъ*» (Нил Сорский, XV—нач. XVI в.),²² «*...в нынешнемъ животе отъ съвѣстныхъ тягости ѹмершвлѣеми, в бѹдѹщемъ же вместо милости Божіа гневъ Божій въсприяти*» (Иосиф Волоцкий, нач. XVI в.),²³ «*...не своей съвѣсти, но отца своего разсѹженіемъ и повеленіемъ вѣровати*» (Поучение святого старца к ученику своему, список XVI в.),²⁴ «*...совѣсть же, еже ангела внѹтрь хранителя слово, тѣхъ обличаетъ*» (Авраамий Пали-

¹⁷ Амвросий, архим. Святой Марк Эфесский и Флорентийская Уния. Джорданвилль, 1963. С. 60.

¹⁸ См. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Максим Исповедник. Толкования. СПб., 2002. С. 293—401.

¹⁹ Антология мировой философии. М., 1970. Т. 2. С. 488.

²⁰ См. Рукописи графа А. С. Уварова. СПб., 1858. С. 85.

²¹ Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 168—169.

²² См. Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // ИОРЯС. 1879. СПб., 1879. Т. 2, кн. 1. С. 83.

²³ См. Лурье Я. С. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства // ТОДРЛ. М., Л., 1956. Т. 12. С. 139.

²⁴ РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 29/1106, Сборник, XVI в., л. 11 об.

цын, нач. XVII в.),²⁵ «В моем дому... протопопица... с домочадицею по-бранились... И я... бил их обѣих... Полежал маленко, собрался с совѣстію... жену сыскал и пред нею прощатся стал.» (протопоп Аввакум, XVII в.).²⁶ Во всех этих случаях интересующее нас слово в переводе на современный русский язык не нуждается, но вот пример текста XV или XVI в., перевода который, пожалуй, уместнее было бы использовать слово *сознание*: «...и возрадовася духом, и възвеселися сердцем и всею съвѣстію» (Львовская летопись, события XV в., список XVI в.).²⁷

Помимо греческого ἡ συνείδεισις и его синонима τὸ συνείδωσ словом *съвѣсть* часто переводили и такие слова, как ἐννοια («мысль», «мышление», «понимание»: «..пучина естества неизвѣдома и неуставна, от всякыя съвѣсти отъпадающи»), διάνοια («разум, смысл»: «...и мнение лукавно погубило есть съвѣсть их»), γνώμη («рассудок», «мнение»)²⁸ Учитывая такую смысловую емкость *съвѣсти*, не очень удивляешься тому, что Памва Берында, составитель «Лексикона славеноросского и имен тлъкования», определил ее на античный манер — как «сүмнѣнье, разум». ²⁹

Еще в XVIII в. наряду с использованием этого слова в нравственном смысле («Егда явится на лицѣ его червленость, или блѣдность, или трепетание, или торопное глаголение, или падение... сия суть знаки *совѣсти*»)³⁰ можно встретить и такое словоупотребление: «Совѣсть моя тогда не познала, что фартуна уже отлетала» (История о Александре российском дворянине).³¹ След былой смысловой широты слова *совѣсть* можно обнаружить и в «Словаре Академии Российской» 1789 г., где наряду с обычным для нас значением — «врожденная души наша сила или способность судить нравственную доброту или худобу наших деяний» — дано и такое: «помышление, сокровенное о ком мнение» (здесь приводится и глагол *свѣм*, *свѣдѣти* с толкованием «внутренно уверен есмь»)).³²

С наступлением XIX в. ряд значений слова *совѣсть* решительно сократился, ограничившись лишь одним основным, нравственным. Приведу пару словарных определений первой половины XIX в. «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г.: *совѣсть* — «внутреннее сознание нравственного качества наших действий».³³ Вл. Даль: «нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развитая».³⁴

Отметим важное явление: в этих двух толкованиях *совѣсть* определяется уже с помощью слова *сознание* («сознание качества действий», «сознание добра и зла»). Прежде чем обратиться к этому новому слову,

²⁵ См РИБ 3-е изд Л, 1925 Т 13 С 520

²⁶ Там же Л, 1927 Т 39 Стб 139

²⁷ См ПСРЛ СПб, 1910 Т 20, 1-я половина С 252

²⁸ Срезневский Материалы Стб 679—680

²⁹ Памва Берында Лексикон славеноросский и имен тлъкования Киев, 1627 Стб 229, 243

³⁰ Наука красноречия, си есть Риторика Рукопись XVIII в 6-ки Смоленского пед ин-та, собр Унб, № 128, л 104 об — 105 (рукопись утрачена) Пример заимствован мною из картотеки древнерусского языка в Институте языкознания РАН в Москве

³¹ Сиповский В В Русские повести XVII—XVIII вв СПб, 1905 Т 1 С 149

³² Словарь Академии Российской СПб, 1789 Ч 1 Стб 976—977, 975

³³ Словарь церковнославянского и русского языка СПб, 1847 Ч 4 С 175

³⁴ Даль Вл Толковый словарь живого великорусского языка 2-е изд СПб, 1882 Т 4 С 262—263

уместно, думаю, дать несколько примеров использования в нашей литературе старого слова *совесть*. «Да жалок тот, в ком *совесть* нечиста», «Иль скажет сын, / Что сердце у меня обросло мохом, / Что я не знал желаний, что меня / И *совесть* никогда не грызла, *совесть*, / Когтистый зверь, скребуший сердце, *совесть*, / Незванный гость, докучный собеседник», «Ничто не может нас среди мирских печалей успокоить; ничто, ничто... едина разве *совесть*» (Пушкин); «Что-то не умирало во мне внутри, в глубине сердца и *совести*, не хотело умереть и сказывалось жгучей тоской», «. сознательно идти против *совести* из слабости» (Достоевский); «К общей благодати работай не за страх, а за *совесть*» (Маяковский); «Испугалась мать; стала она слушать, что ей сердце скажет и что *совесть*. Молчит ее *совесть*, зато сердце говорит, а сердце богатыря любит» (Платонов); «*Совесть* — понятие туманное, вроде словечка „рябь“. Попробуйте объяснить словечко „рябь“ — ничего не выйдет, начнете дрыгать в воздухе пальцами» (Ю. Трифонов);³⁵ «*Совесть* — непередаваемое свойство души человеческой. <...> .. нет научных или хотя бы просто объясняющих слов, чтобы понятно передать другому содержание слова „совесть“. <...> Если взять в помощь личный опыт, закрыть глаза, погрузиться внутрь себя и попытаться хотя бы почувствовать, что же такое „совесть“ для тебя самого, то возникнет личный соблазн — назвать ее чувством вины» (М. Шагинян);³⁶ «*Совесть* — инстанция внутренней кары» (Ю. Домбровский).³⁷

В отличие от слова *сознание*, которого фольклор не знает, *совесть* входит во многие русские пословицы, поговорки и загадки, например: «Напала *совесть* и на свинью, как отвела полена», «Глаза — мера, душа — вера, *совесть* — порука», «У кого *совесть* не чиста, тому и тень кочерги — виселица», «Беззуба, а с костями сгложет». ³⁸

Как видим, с начала XIX в. по сю пору смысл слова *совесть* сколь-нибудь существенно не изменился. Но в XX в. — на это стоит обратить внимание — очень старались его изменить. Согласно старому, общему и Авве Дорофею и Владимиру Далю, представлению *совесть* — врожденное свойство человеческой личности, которое может либо развиться, либо заглохнуть. А в «Философском словаре» читаем: «*Совесть* — не врожденное качество, она определяется положением человека в обществе, условиями его жизни, воспитанием и т. п.» и является «ответной реакцией на требования общества», выражающей «способность личности к самоконтролю, к моральной оценке действий на основе понимания ответственности за совершаемые поступки». ³⁹ То же самое пишет «Словарь по этике»: «*Совесть* — это субъективное осознание личностью своего долга и ответственности перед обществом». ⁴⁰ «*Совесть*, по Луначарскому, является препятствием на пути от „я“ к „мы“»; ⁴¹ так что советские философы явно старались это препятствие убрать. Соответствующим образом «Словарь русского языка» С. И. Ожегова определяет *совесть* как «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом». ⁴²

³⁵ См. Новый мир 1971 № 8 С 94

³⁶ См. Там же № 4 С 141—142

³⁷ См. Юность 1988 № 2 С 57

³⁸ Даль Вл Толковый словарь Т 4 С 262—263

³⁹ Философский словарь / Под ред М М Розенталя и П Ф Юдина 2-е изд М, 1968

С 323

⁴⁰ Словарь по этике / Под ред О Г Дробницкого и И С Кона М, 1970 С 289

⁴¹ Гангнус А На руинах позитивной эстетики Из истории одного термина // Новый мир 1988 № 9 С 151

⁴² Ожегов С И Словарь русского языка 7-е изд М, 1968 С 734

Совесть в этой трактовке — далеко не то, что «совесть к ближнему» у Аввы Дорофея. Там — отношение к людям с точки зрения вечности, надличностного и надобщественного Судии, здесь — «субъективно осознанный» взгляд на тебя окружающих людей. Здесь совершенно все равно — перефразируем Пьера Бейля — сказать: «моя *совесть* судит, что такой-то поступок хорош или дурен», или сказать: «мое *сознание* судит, что такой-то поступок нравится или не нравится *обществу*». То, что здесь понимается под совестью, близко к тому, что называется *человекоугодничеством*: «...да не како *человекоугодници* обрящемся и со Июдою Христа предающе: они иконы щепляют, режут, Христу поругаются, а мы их учреждаем, да их воле сходим»,⁴³ — и *сознательностью*: «В моральном смысле *сознательность* — высшая мера развития совести».⁴⁴

Займемся теперь словом *сознание*.

Сознание

Изредка в древнерусских текстах встречаются слова *сѣзнаване*, *сѣзнавати*, *сѣзнатися*, но ни одно из них не родственно по своим значениям современному слову *сознание* (без дополнения — *в чем*). *Сѣзнаване* значит «знание, знакомство» («От зрака похоть ражається, и от зрака сѣзнаване вываєт, и от сѣзнавання дѣяние свершается»),⁴⁵ *сѣзнавати* — признавать («сѣзнаваю сим моим листом»),⁴⁶ а *сѣзнатися* (перевод греческого γινώσκω — *знаю*) по одному толкованию «узнать друг друга»,⁴⁷ а по другому — «сговориться».⁴⁸

В отличие от слова *совесть*, слово *сознание* не входит в русские половицы и поговорки. Его не имел еще в своем распоряжении А. Н. Радищев, но уже явно испытывал в нем нужду и за неимением его писал (не очень удачно) *самопознание*: «Чувственное расположение тѣла всякаго животного увѣдомляет, что оно существует, что оно живет. Равно чувства напоминают человекѣ о его чувственности; но сие познание своего бытия в животных столь тупо, столь мрачно, так сказать, что с *самопознанием* человекѣ ни в какое сравнение войти не может».⁴⁹

Когда же и каким образом появилось в русском языке активно употребляемое нами теперь слово *сознание*?

На этот вопрос существует два ответа. К разряду философской терминологии, введенной в русский язык около второй четверти XIX в. путем перевода с немецкого, относит это слово Б. Унбегаун;⁵⁰ он считает, что оно отражает нововеерхненемецкое *Gewissen*. Но его мнение кажется

⁴³ Из Послания новгородского архиепископа Геннадия 1490 г См Казакова Н А, Лурье Я С Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века М, Л, 1955 С 382

⁴⁴ Словарь по этике С 292

⁴⁵ Истрин В М Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе Т 1 Текст Пг, 1920 С 241 Этот пример, как и ряд других, почерпнут из картотеки древнерусского языка в Институте языкознания РАН в Москве

⁴⁶ Срезневский Материалы Т 3 Стб 709

⁴⁷ Словарь церковнославянского языка, составленный акад А Х Хвостовым СПб, 1903 Т 2 Стб 202

⁴⁸ Срезневский Материалы Т 3 Стб 709

⁴⁹ Радищев А Н О человеке // Собр соч СПб, 1809 Ч 3 С 76 и 186

⁵⁰ Unbegaun B Le calque dans les langues slaves litteraires // Révue des études slaves Paris, 1932 Т 12 Р 39 Его мнение воспринято Molnar N The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts // Studia Slavica 1964 Т 10, f 1—2 Р 99—146 «From the second quarter of the XIX century we find, first of all, calques of German origin, e g Bildung ~ образование, Gewisstn ~ сознание » (Р 140)

малоправдоподобным М. Фасмеру, на взгляд которого, *сознание* возникло как калька с латинского *conscientia*.⁵¹

Что же показывают доступные нам материалы?

Первым словарем, фиксирующим слово *сознание*, оказывается «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» 1822 г. Он дает этому слову, однако же, лишь близкое к значению древнерусского глагола *съзнавати* объяснение: «Признание, сочувствие истины какой».⁵² Стало быть, хотя слово *сознание* к 1822 г. в русском языке уже появилось, по смыслу оно было еще далеко от употребляемого нами без дополнения тождественного с ним по звучанию слова. Более близким к нашему слову *сознание* было другое новое для начала XIX в. слово — *самосознание*.

В первых десятилетиях XIX в., как это показал В. В. Веселитский, возник ряд русских существительных с первой частью *само-*, созданных по образцу немецких слов на *Selbst-* и употреблявшихся для обозначения отвлеченных понятий преимущественно философского плана, например, *самобытие*, *самозаконность*, *самозащитение*, *самочувствование*. В их числе было и *самосознание*. Это слово встречается в изданном в Казани в 1813—1814 гг. переводе немецкого «Начального курса философии» Ф. В. Снелля и имеет там такое разъяснение: «*Самосознание* или *самощущение* в теснейшем смысле, т. е. когда душа наша, или мы, ясно различаем самих себя от других вещей». А в «Курсе философии для гимназий Российской империи» Л. Якоба (СПб., 1815—1817 гг.) написано: «Посредством впечатлений, произведенных на органы, является то, что мы называем *самосознанием* (*Bewußtseyn*)».⁵³

Примечательно, что хотя немецкое слово в скобках дано без *Selbst-* (могло бы быть *Selbstbewußtseyn*), русское слово начинается с *само-* (вспомни и *самопознание* у А. Н. Радищева). Это лишний раз показывает, что в слове *сознание* сильно чувствовался требующий дополнения глагол *сознавать* (отсюда — *самосознание* — *сознание себя*)

Исключительно как требующее дополнения использовал слово *сознание* Пушкин.⁵⁴

Как видим, отчасти правы оказались оба ученых — и Б. Унбегаун, и М. Фасмер: *сознание*, действительно, отражение немецкого слова (хотя и не *Gewissen*, а *Bewußtsein*), но слова, восходящего к латинскому *conscientia* (что наши переводчики, по-видимому, знали и учитывали).

Стоит заметить, что само немецкое слово *Bewußtsein* — сравнительно новое в немецком языке: впервые его употребил в 1720 г. как философский термин Христиан Вольф, в литературный же немецкий язык оно вошло, потеснив старое *Gewissen*, «совесть», не ранее конца XVIII в.⁵⁵ Заметим попутно, что и английское слово *consciousness*, «сознание», возникшее почти на столетие раньше немецкого *Bewußtsein*, но не ранее 1632 г., — новое по

⁵¹ Vasmer Max Russisches etymologisches Wörterbuch Heidelberg, 1955 Т 2 S 687 Этот взгляд воспринят Шанский Н М, Иванов В В, Шанская Т В Краткий этимологический словарь русского языка М, 1961

⁵² Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный СПб, 1822 Ч 5 Стб 353

⁵³ Веселитский В В Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой четверти XIX в М, 1964 С 73—74 Возможно, на увеличение у нас слов, начинающихся на *само-*, оказала влияние и лексика появившихся в 80-х гг XVIII в и в первые десятилетия XIX в в переводах на русский язык некоторых сочинений Дионисия Ареопажита, охотно использовавшего слова типа *саможизнь*, *самобытие*, *самосовершенствоначалие* и т п

⁵⁴ См Словарь языка Пушкина М, 1961 Т 4 С 271

⁵⁵ См Etymologisches Wörterbuch des Deutschen A—G Berlin Akademie-Verlag, 1989 S 164 За эту справку о происхождении немецкого слова и за следующую — о происхождении английского — я благодарю д-ра Сабину Фаль (Берлин)

отношению к старому английскому слову *conscience*, «совесть», существовавшему, вероятно, до 1200 г.⁵⁶ Именно перемены в общественной мысли германоязычных стран, произведенные Реформацией, создали там, по всей видимости, нужду в специальном термине, который освободил бы часть смысла слов *conscience* и *Gewissen* от слишком тесной связи с христианской традицией. Послепетровская Россия, испытывая, очевидно, ту же самую нужду, именно из протестантской Германии, как мы видели, почерпнула новое слово, получившее облик «сознание».

Формальное уподобление классическому прототипу, т. е. утрата русским сложным словом *самосознание* первой части, *само-*, или же независимое от *самосознания* появление не требующего дополнения значения слова *сознание*, произошло около середины XIX столетия. Словарь 1847 г. определяет *сознание* еще «отглагольно» — как «*действие* сознающего и сознающегося, сознавшего и сознавшегося»,⁵⁷ но одновременно с ним составлявшийся более чуткий «Толковый словарь живого великорусского языка» Вл. Даля уже фиксирует такие его значения, как «сознание себя», «состояние человека в здравом смысле своем, могущего дать отчет в своих действиях».⁵⁸ Слияние двух слов — старого отглагольного и нового, идущего от немецкого *Bewußtsein* и латинского *conscientia*, — или, иначе говоря, обретение словом *сознание* современного круга значений⁵⁹ здесь уже налицо. Это произошло, как видим, не позже, но, кажется, и не раньше второй четверти XIX в.⁶⁰

Вслед за тем стало возможным употребление этого слова в значении высшей человеческой способности: «А *сознание* не высидишь и не выжи-

⁵⁶ См. The Bernhart Dictionary of Etymology / The H. W. Wilson Company New York, 1988. P. 208—209.

⁵⁷ Словарь церковнославянского и русского языка СПб, 1847. Т. 6. С. 179.

⁵⁸ Даль Вл. Толковый словарь. Т. 4. С. 267.

⁵⁹ «Словарь современного русского литературного языка» (М., Л., 1963. Т. 14. Стб. 162—163) приводит четыре значения для слова *сознание*: 1) «Процесс отражения действительности мозгом человека, включающий все формы психической деятельности и обуславливающий целенаправленную деятельность человека», 2) «восприятие и понимание окружающего, свойственное человеку, ум, разум», 3) «ясное понимание, осознание чего-либо» и 4) «признание своей вины, проступка». Первые два из этих значений восходят через *самосознание* к *Bewußtsein*, а другие два принадлежат отглагольному существительному — от переходного глагола *сознавать(ся)*.

⁶⁰ В хранящейся в Институте языкознания РАН в С.-Петербурге картотеке языка XVIII в. сообщается об употреблении слова *сознание* в сочинении «Зерцало безбожия или невежества», которое его издатель, М. Шахнович (Новый памятник русского свободомыслия XVIII в. // Звенья М., 1950. Т. 8. С. 735—751), предлагает считать оригинальным русским конца XVIII столетия. Здесь это слово использовано три раза подряд (с. 751). Однако непосредственно предшествующий этому месту период посвящен совести и никакого перехода к понятию «сознание» нет: «даже и самая *совесть* вооружается против бытия Бога 4. И потому сей довод (основывать бытие Бога на внутреннем *сознании*)» — Значит, слова *совесть* и *сознание* используются здесь как синонимы, а это никогда не было свойственно русскому языку. Очевидно, оригинал «Зерцала» был написан на языке, в котором *совесть* и *сознание* обозначаются одним словом, например на французском. Как сообщил мне Я. С. Лурье, автором этого сочинения является Вольтер. Если перевод был сделан ранее второй четверти XIX в., то переводчик, можно думать, опередил в лексике свое время. Позже у Достоевского («Зимние заметки о летних впечатлениях») можно встретить подобное сближение слов: «Парижанин себя в грош не ставит, если чувствует, что у него карманы пусты, и это *сознательно*, *совестливо*, с великим убеждением». Заслуживает внимания то, что речь здесь идет о парижанине Достоевский, вероятно, старается двумя русскими словами в полном объеме передать французское *conscience*. Теперь в «Послании его святейшества папы Иоанна-Павла II ко всемирному дню мира, 1 января 2002 года» (с. 9) видим слово *совесть* употребленным «по-романски», т. е. в смысле — и *сознание* — «Уважение *совести* других людей, в которой отражается сам образ Бога (см. Быт. I. 26—27), позволяет предложить истину другому человеку, в праве которого затем ответственно принять ее».

вешь молча» (Достоевский. Показания на процессе петрашевцев),⁶¹ «...не только очень много *сознания*, но даже и всякое *сознание* — болезнь», «Страдание — да ведь это единственная причина *сознания*. И хоть я доложил вначале, что *сознание*, по-моему, есть величайшее для человека несчастье, но я знаю, что человек его любит и не променяет ни на какие удовлетворения. *Сознание*, например, бесконечно выше, чем дважды два» (Достоевский. Записки из подполья); «Тут уж вы видите даже и не народ, а потерю *сознания*, систематическую, покорную, поощряемую» (Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях); «Да, *сознание* уже растет, растет и уже столь многое народом понято и осмыслено, что петербургские люди и не поверили бы» (Достоевский. Дневник писателя); «Изучать *сознание* есть дело не только ученого. Я подозреваю, что пока еще это в большей степени дело писателя, а не ученого»; «Трагедия человеческого разума происходит не от высоты *сознания*, а от его недостатка» (Зощенко. Перед восходом солнца).⁶² «*Сознание* — это понимание человеком собственного бытия, своего существования, своего отношения к внешнему миру и отношений предметов внешнего мира между собой; совокупная психическая деятельность, включающая интеллект, чувства и волю человека; способность мыслить и рассуждать; свойство высшей нервной деятельности человека определять свое отношение к окружающей действительности и преобразовывать ее в своих интересах» (Н. И. Кондаков).⁶³

Итак, мы видели, что тождество составных частей слов *совесть* и *сознание* действительно не случайно. Младший из двух «близнецов», слово *сознание* стало в русском языке способным обходиться без дополнения не раньше второй четверти XIX в., и это произошло благодаря немецкому слову, которое восходит к латинскому, точно соответствующему греческому, — тому самому греческому, что тысячу с лишним лет назад дало славянское *съвѣсть*.

Отняв часть значений у *совести*, *сознание* повело себя по отношению к ней довольно агрессивно, так что та оказалась в зависимости от него, стала его частным случаем («совесть — *сознание* добра и зла»). Некогда, мы помним, одним из значений слова *совѣсть* было что-то вроде мышления, сознания. Но эта сторона понятия не была так «разработана», как нравственная. Теперь освещенными и дифференцированными оказались именно владения *сознания*, а оставшееся у *совести* съезжилось, сделалось расплывчатым, туманным, укрытым дымкой иррациональности, из которой нет-нет да и высовывает лапу «когтистый зверь, скребущий сердце»; но и туда совершаются лихие набеги «сознательности» и других производных «сознания».

Разумеется, изменение содержательного плана языка происходит «в теснейшей связи с историей мировоззрения, культуры, общественного строя»,⁶⁴ по «внеязыковым причинам»,⁶⁵ параллельно с изменением жизни и духовной культуры народа.⁶⁶ Процесс наступления на совесть при смене

⁶¹ Бельчиков И. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев М, 1971 С 99

⁶² Октябрь 1943 № 8—9 С 127

⁶³ Логический словарь М, 1971 С 489

⁶⁴ Ларин Б. А. Очерки по истории слов в русском языке Вводная заметка // Русская речь в школе 1940 № 4 С 20

⁶⁵ См. Строева Т. В. О причинах изменения значения слов // Вестн. ЛГУ 1958 № 8 С 142

⁶⁶ См. Верещагин Е. М. Психологическая программа действия и лингвистическая модель их психолингвистическая связь // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком М, 1969 С 138 См. также Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян Переводческая техника Кирилла и Мефодия М, 1971 С 185

мировоззрения в XIX в. «во имя лучшего», во имя «будущего» заметил и прекрасно выразил Ф. М. Достоевский словами Раскольникова: «Я просто запросто наемкнул, что „необыкновенный“ человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей *совести* перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того требует <...> Преступления этих людей, разумеется, относительно и многообразны; большею частью они требуют, в весьма разнообразных заявлениях, разрушения настоящего во имя лучшего. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, *по совести*, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь... <...> Первый разряд всегда — господин настоящего, второй разряд — господин будущего». Слова эти оказались в XX в. пророческими.

Размышления напоследок

Автор этой работы не лингвист и не философ и интересуется историей слов, о которых ведет речь, с точки зрения истории русской культуры, начиная с древнерусской. И потому чувствует себя обязанным тоже порассуждать о схожести и несхожести смысла слов *совесть* и *сознание* именно с этой точки зрения, т. е. имея в виду их родство и их историю.

Что же такое, спросим мы себя теперь, сознание, со-знание? Очевидно, это условие всякого знания, приобретаемого и теряемого, т. е. переменного «внешнего» знания. Значит, это есть знание, изнутри сопутствующее субъекту на всем протяжении его нормального существования.⁶⁷ О чем оно? Очевидно, об этом самом хронологически совпадающем с ним явлении — собственном бытии субъекта сознания. Т. е. главное содержание знания, соответствующего сознанию, можно выразить фразой: «Я есмь». Потеря сознания есть временное забвение этого факта.

Что же касается совести, то, как мы видели, все ее определения так или иначе говорят одно: совесть — это памятование о Добре. Потеря совести есть забвение о его — или, лучше сказать, о Его — существовании.

Чтобы получить фундаментальный для европейской культуры исходный смысл, выражаемый знаком-символом *συνείδησις* / *conscientia* / *съвѣсть*, объединим *со-знание* с *со-вестью*. Что же получится? Вот что: «Есть Я, и есть Добро и зло».

Дав это определение, мы согласились со старым взглядом на совесть как на врожденное знание человека о существовании вечного Добра наряду со знанием о собственном существовании. Это несколько не означает, что мы отрицаем историческую и географическую изменчивость *представлений* людей о Добре и о себе самих. Просто люди, сами часто не отдавая себе в этом отчета, пока живут и тем самым являют собой *настоящее*, знают, что оно как-то сопряжено с Вечностью. Спорят лишь о том, как. Христианский, в том числе и древнерусский ответ на этот вопрос: в ипостаси Богочеловека, Вечности-в-настоящем, и в личности каждого христианина.

Объединив два понятия, мы, заметим, различили тем самым во внутреннем мире человека своего рода *пространство* и *вечный двигатель*:

⁶⁷ Заметим кстати, что этимологический словарь французского языка (Bloch O., Wartburg W. Dictionnaire étymologique de la langue française Paris, 1960 P 149) объясняет слово *conscience* как «внутреннее знание», а составители греческих и латинских словарей толкуют слова *συνείδησις* и *conscientia* как «совместное» или «сопутствующее» знание

некий центр личности занимает «Я», впереди или выше него находится вечно пребывающее Добро, а позади или ниже, стало быть, зло, агента небытия.⁶⁸ По самой природе вещей «Я» должно, вынуждено (во всяком случае, пока не потеряет совесть) бежать от зла, стремясь к Добру, ибо, когда его настигает зло, делается *плохо*, а когда оно достигает Добра, становится *хорошо* (это ведь следует из самих понятий добра и зла). Получается, знание о нашей причастности к Добру и злу приводит «Я» в движение. Иными словами: **совесть есть двигатель сознания**. А можно сказать и так: совесть есть сознание нашей причастности к Вечному, а сознание есть просто совесть без Вечности («сознательность»).

Вот эту-то внутреннюю, ценностную, в культуре выражающуюся переориентацию Руси по ходу ее истории и отражает прослеженная нами история слов **съвѣсть** / совесть и сознание

В заключение стоит заметить, что слово **съвѣсть** «разделилось» у нас очень удачно: теряя сознание, люди не обязательно теряют при этом совесть, а теряя совесть, не обязательно теряют сознание.

⁶⁸ См. Дионисий Ареопагит Сочинения С 343—401